

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 342; 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-195-200

Философское обоснование традиционализма в русской правовой культуре

Исмагилова М.М.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: masha.stepkina.2012@mail.ru

Аннотация. Представлена попытка интерпретировать совесть и достоинство в контексте правовых изменений в российском обществе, исходя из положения о нравственном смысле права в традиционной правовой культуре России. Автор полагает, что нравственные категории в русской культурной традиции носят не индивидуалистический смысл, а связаны с экзистенциальными измерениями, выводят право на состояние обращенности к народной органической жизни, где мерилom является совесть как явление национального самосознания. Сделан вывод о том, что в традиционной правовой культуре обосновано понимание морали как ключа к достоинству человека, при этом для автора самоочевидным становится нравственное регулирование диалога общества и государства, власти и народа.

Ключевые слова: правовая культура, правовая традиция, право в культуре модернити, нравственность, достоинство, сила права, интеллигенция

Для цитирования: Исмагилова М.М. 2023. Философское обоснование традиционализма в русской правовой культуре. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 48(1): 195–200. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-195-200

Philosophical Grounding of Traditionalism in Russian Legal Culture

Maria M. Ismagilova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: masha.stepkina.2012@mail.ru

Abstract. Various spheres of socio-political, economic, cultural and spiritual life have long been under the influence of so-called socio-political transformations that have led to gigantic shifts in the civilizational structure. An attempt to interpret conscience and dignity in the context of legal changes in Russian society, based on the provision of the moral sense of law in the traditional legal culture of Russia is presented. The author of the article believes that moral categories in Russian cultural tradition have not individualistic meaning, but are associated with existential dimensions, and bring law to the state of being addressed to the people's organic life, where the measure is conscience as a phenomenon of national self-consciousness. The author concludes that traditional legal culture justified the understanding of morality as a key to human dignity, with the moral regulation of the dialogue between society and state, power and the people becomes self-evident for the author.

Keywords: legal culture, legal tradition, law in modernity culture, morality, dignity, the power of law, intellectuals

For citation: Ismagilova M.M. 2023. Philosophical Grounding of Traditionalism in Russian Legal Culture. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 195–200 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-195-200

Введение

Различные сферы общественно-политической, экономической, культурной и духовной жизни долгое время находились под влиянием так называемых социально-политических трансформаций, приведших к гигантским сдвигам в цивилизационной структуре. Российские ученые ориентированы на то, что российское общество сложное, многоукладное и включает в себя носителей часто противоположных социальных и культурных интенций, что в обществе якобы подорваны моральные регуляторы, перекодируется культурно-историческая память, единственным устойчивым и верным ориентиром является правовая система. В условиях исчезновения социального доверия формальные правовые скрепы и формальные правовые институты призваны сдерживать противоречия общественной жизни и общественного сознания и таким образом создавать предпосылки перехода к усовершенствованному цивилизационному состоянию.

Но такая постановка скорее порождает вопросы, чем ответы, и здесь особенно нужно выделить российскую традицию в правовой культуре, привычные схемы которой часто противоречат фактам современной социальной жизни. Например, попытки охарактеризовать несовершенство правовой культуры в российском обществе характеризуют стремление показать цивилизационную «немодерность» России, которая будто бы не испытала влияние эпох Ренессанса и Просвещения, что в истории нашей страны сила права подменялась и подменяется силой государства.

Ответить на обозначенные вопросы в исследовании традиции и русской правовой культуры можно, опираясь на философско-культурологические и философско-правовые идеи зарубежных и отечественных классических мыслителей [Данилевский, 1991; Ильин, 1991; Алексеев, 1998; Леонтьев, 2000; Генон, 2005]. Поэтому в рамках предметной сферы исследования необходимо использовать метод философско-компаративного анализа концепций отечественных и зарубежных авторов, посвященных данной теме. Понимание проблематики возможно на основе методологического принципа единства исторического и логического, что позволяет исследовать традиционную правовую культуру в культурогенезе российского человека.

Мораль и нравственность в контексте правовой культуры

Сейчас в России фактически существуют два пласта правовой культуры: правовой дискурс, сформировавшийся под влиянием юридических заимствований у Запада, и традиционная правовая культура, которая уходит корнями в органическую народную жизнь, о чём много писали русские философы и писатели ещё в XIX веке, начиная со славянофилов. Их идеи были дискредитированы с приходом к власти большевиков и теоретиков вульгарного марксизма с опытом гражданской войны, и с построением советского общества подобная дискредитация была продолжена новыми либеральными западниками в период рыночных реформ 90-х годов XX века.

В рамках либерального дискурса право воспринимается как *конвенциональная ценность*, достигнутая в результате договоренности людей и взятая в культурно-историческом контексте как главный признак перехода от «дикого состояния» (для либерала всегда таковой и будет традиционная культура) к состоянию «просветленности» или «просвещения» [Смит, 2008]. Конвенционализм и конструктивизм в понимании правовой

культуры имел некоторые интеллектуальные предпосылки в античности и Возрождении, был концептуально определен в эпоху Просвещения, но закрепился и стал ориентиром в открытиях европоцентризма и ориентализма, согласно которым современная цивилизация обязана позитивному воздействию европейского права. Да, его истоки во многом обнаруживаются в латинской античности (римское право), но здесь определенным образом действует *правило интеллектуальной трансформации*, как отмечал П. Бурдьё [1993, с. 94], согласно которому традиция не воспринимается как сумма неизменных знаний и навыков, а каждый раз изменяется в контексте нового социального опыта.

Почему мы обращаемся в понимании права к традиции? Хотя бы потому, что правовая культура (и культура вообще) изначально определяется традиционностью как онтологической реальностью, если только поверхностно не держаться точки зрения о формально-логической рациональности М. Вебера. Для российского общества традиция есть ключ к пониманию культурно-цивилизационного многообразия в широком смысле и, как пишет В.П. Римский [1997; 2022], цивилизация как социокультурная целостность выступает всеобщим базисом культуры, культуурообразующим основанием неповторимых национальных культурных миров и космосов.

Наша исследовательская позиция рассматривает право как экзистенциально значительную характеристику человеческой культуры и цивилизации, что конечно не отменяет её специфические этнокультурные формы. При этом мы утверждаем несомненное отличие нашей позиции от тоталитарного космизма в том, что принцип бессубъектности (безличности) в праве является ущербным объективизмом: вместо этого требуется введение понятия *правового субъекта*, точнее *правовой личности*, обремененной не только осознанием своих прав и права на их относительность, но и признание за личностью долженствования, обязанности защищать универсальные нормы права, исходя из общепринятых культурно-цивилизационных смыслов.

Русский историк и философ-евразиец Н.Н. Алексеев в работе «Русский народ и государство» выразил как нельзя лучше свою теоретическую и гражданскую позицию. Он отметил, что выработка юридической теории, которая, с одной стороны, исходила из органического социального развития русского народа, с другой – соответствовала критериям современности, актуализировала осмысление всех существовавших в имперский и советский период подходов [Алексеев, 2000, с. 7]. Важно, что Н.Н. Алексеев разделял консолидированную позицию с российскими славянофилами и евразийцами, немецкими органицистами и романскими традиционалистами, но определил свой *оригинальный подход*, исходя из культурно-цивилизационной парадигмы российского общества, где традиция является высшим благом. Однако мы не должны сводить наследие Н.Н. Алексеева к телеологическому выводу о «не отрицательности» современного прогрессивного Запада.

Н.Н. Алексеев, говоря о необходимости обращения к Востоку, выявил факт того, что традиционное право потенциально выражает всечеловечность права, противостоит западному космополитизму, чреватому национальным тоталитаризмом или либеральным посттоталитаризмом. Характерно также и то, что он, исследуя российское традиционное право, являлся сторонником традиционности как сосредоточения национального, культурно-уникального и всеобщего в праве, где универсальность – и это доказывается фактами современности – порой превращается в негативный глобализм, который отменяет культурно-правовую традицию на основе «правил» и выражает интересы глобалистской «элиты» и финансовой олигархии, чуждых национальным государствам и культурным традициям.

В таком контексте становится ясным, что концепция разделения универсальной и традиционной правовой культур нуждается в категоризации и интерпретации с целью прояснения и рационализации. Это полемическая ситуация для нас является необходимой исследовательской процедурой, так как вне определения в российской интеллектуальной жизни соотношения универсальной и традиционной культуры можно вести бесконечные

споры о том, какие правовые нормы являются наиболее действенными в российском обществе, возможен ли переход российского общества к повторению истории, к сближению с Западом и на каких основаниях могут строиться мосты межкультурного понимания и сотрудничества. Важно отметить, что такой подход подразумевает необходимость отказа от роли России как «вечного ученика», а также от того, чтобы впасть в состояние цивилизационной гордыни.

Исходя из общего определения права как совокупности законодательных ценностей и норм требуется понимать, что *универсальное право* относится к тому, что мы можем называть результатом *глобальных практик*, имеющих в основе западную формально-правовую традицию, осмысленную как переход от нецивилизованного общества к цивилизованному, и традиционного права, которое может проявляться в двух смыслах: как *не артикулированная правовая культура в повседневной жизни*, основанная на историческом опыте, и как *альтернатива глобализму* в качестве самостоятельного выбора (исламское, буддистское, родоплеменное право).

Акцентируя внимание на том, что различие между универсальным, связываемым с цивилизацией и культурой, выражением традиций и особенностей заключается в том, что признается *множественность культур* и *целостность цивилизации*, определимся дополнительно с тем, что является правовой культурой. На наш взгляд, исследовательская сложность состоит в том, что правовая культура в рамках аксиологии, в общей ценностно-нормативной системе несёт в себе и своеобразие, и принадлежность к разным культурам, и одновременно основывается на сверхценностях цивилизованности и гуманизме человека.

Признано, что носителем универсальной правовой культуры являются образованные слои российского общества, русская интеллигенция, о которой пишется как о феномене русского общества со времен Петра I. В то же время выдвигается противоположный тезис, будто бы интеллигенция являла только узкий слой общества и ограничивалась большими городами. И к концу XIX века, рассуждая о смысле русской идеи, философы, принадлежащие к интеллектуальной элите, говорили о народной стихии, касаясь и морально-духовного состояния, и деградации, связанной с влиянием модернизации на общественные устои и порядки. Но весь смысл так или иначе сводился к тому, что традиционность в правовой культуре подразумевает непрерывность правовой культуры, соответствие её общественным ценностям.

В этом смысле универсальное право может существовать только адаптируясь, признавая и впитывая правовую традицию. Но есть сложность и в том, что правовая культура как культура рационально-формальная и нормативная принимается на уровне культурных универсалий. А если говорить о нынешнем состоянии западной правовой культуры, которая всё чаще утверждается от идеологии политкорректности, трудно не согласиться с тем, что существует определенный правовой конфликт в России: являясь составной частью Европы, в основах – восточно-христианской цивилизацией, наша страна занята *поиском собственных культурных универсалий*, но универсализация правовой культуры не может выступать как канал исторического влияния на актуальное российское сознание.

Понимая, что традиция – не только и не столько наследие, имеющее свои корни в прошлом, нужно подчеркнуть, что традиционная культура в её идеальном сущностном значении связана с истоками права в общественном сознании народа. Сложность состоит в том, что право имеет *формально-рациональную структуру*, в то время как традиция включает в себя *конфигурацию эмоций, оценок, образцов восприятия*. В этом смысле правовая культура может оцениваться как восприятие и освоение культурных норм в отличие от того, чем общество обладало раньше, в истории.

Но отметим важный момент, состоящий в том, что российская государственность существует уже в течении десяти веков и, следовательно, имела свое основание в «Русской правде», в «Домострое», в Кодексе законов и уложений Российской империи, в правовой системе советского периода. Поэтому, когда мы говорим об универ-

сальности традиции, речь может идти только о реальном балансе, представительстве в правовой культуре традиции и универсализма, недопустимости, с одной стороны, унифицирующего глобализма, ведущего к диффамации и деформации правовой традиции, и, с другой стороны, стремлении через традиционность отойти в состояние правового беспамятства и в архаику.

Эта объяснительная схема нуждается в уточнении, поскольку универсальность права, понимаемая как сверхценность человеческого существования, развивается на основе традиционности, традиции как того, что не только выражается в прошлом, но и присуще современности, в том, что *через традицию осуществляется обновление социального опыта*. В.П. Римский [2017] пишет, например, о «традициях модерна», хотя это вроде бы противоречит догмам о том, что модерн якобы «отвергает традицию». Наоборот, «современность» постоянно *продуцирует собственную традицию*, чтобы её постоянно рационализировать и обновлять, благодаря чему право и утверждается в антропологической повседневности. В этом и состоит природа устойчивости культурных универсалий цивилизации модерна.

Следует говорить и о том, что традиция и универсальность правовой культуры не являются статичными. Но если говорить о соотношении универсальности и традиционности, правовая культура крепка в своих традиционных основаниях, которые выражаются не в неизменности правовых форм, а в том, что на язык права переводятся нормы жизни, и правовая культура утверждается фактом метаморфоза этих норм, придания им осознанности и притягивания в обществе.

Заключение

Таким образом, универсальность в праве является не следствием исключительности, как это предписывается в западноевропейских либеральных теориях, которые столкнулись с проблемой поиска определения общего блага и практически исходят из понимания негативной свободы. В контексте русской философско-правовой традиции правовая культура есть выражение нравственности в праве, гарантирует высшую цель, указывая на определенные правовые признаки, обладание которыми и есть выход на универсальность права.

Список литературы

- Алексеев Н.Н. 1998. Русский народ и государство. М., Аграф, 640 с.
Бурдьё П. 1993. Социология политики. М., SocioLogos, 336 с.
Генон Р. 2005. Восток и Запад. М., Беловодье, 240 с.
Данилевский Н.Я. 1991. Россия и Европа. М., Книга, 556 с.
Ильин И.А. 1991. О грядущей России. Джорданвилл, Н.Й. США: Изд. Св.-Троицкого Монастыря и Корпорации Телекс, 367 с.
Леонтьев К.Н. 2000. Поздняя осень России. М., Аграф, 336 с.
Римский В.П. 1997. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород, БелГУ, 199 с.
Римский В.П. 2017. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала. М., Канон+ РООИ «Реабилитация», 456 с.
Римский В.П. 2022. Тотальность культуры и свобода человека. Белгород, БГИИК, 215 с.
Смит Р. 2008. История гуманитарных наук. М., 392 с.

References

- Alekseyev N.N. 1998. Russkiy narod i gosudarstvo. [Russian people and the state]. Moscow, Agraf, 640 p.
Burd'yo P. 1993. Sotsiologiya politiki. [Sociology of Politics]. Moscow, SocioLogos, 336 p.
Genon R. 2005. Vostok i Zapad. [The East and the West]. Moscow, Belovodie, 240 p.
Danilevskiy N.YA. 1991. Rossiya i Yevropa. [Russia and Europe]. Moscow, Book, 556 p.

- Il'in I.A. 1991. O gryadushchey Rossii. [On the coming Russia]. Jordanville, N.Y. USA: St. Trinity Monastery Press and Telex Corporation, 367 p.
- Leont'yev K.N. 2000. Pozdnyaya osen' Rossii. [Late Autumn of Russia]. Moscow, Agraf, 336 p.
- Rimskiy V.P. 1997. Demony na pereput'ye: kul'turno -istoricheskiy obraz totalitarizma. [Demons at the crossroads: the cultural and historical image of totalitarianism]. Belgorod, BelGU, 199 p.
- Rimskiy V.P. 2017. Uchrezhdayushchaya diskursivnost' Mikhaila Petrova: intellektual v inter'yere kul'turnogo kapitala. [Establishing discursiveness of Mikhail Petrov: intellectual in the interior of cultural capital]. Moscow, Kanon+ ROOI Rehabilitation, 456 p.
- Rimskiy V.P. 2022. Total'nost' kul'tury i svoboda cheloveka: monografiya. [The totality of culture and human freedom: a monograph]. Belgorod, BGIIC, 215 p.
- Smit R. 2008. Istoriya gumanitarnykh nauk. [History of the Humanities]. Moscow, 392 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.06.2022

Поступила после рецензирования 18.07.2022

Принята к публикации 20.09.2022

Received February 18 June 2022

Revised 18 July 2022

Accepted 20 September 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Исмагилова Мария Михайловна, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria M. Ismagilova, Postgraduate Student at the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia